

1. Дочка

1

Всеволод бежал по коридорам и лестницам. На ходу здоровался, отвечал на традиционные вопросы: как провел время, хорошо ли отдохнул и тому подобное. Недели хватило, чтобы соскучиться по работе и конечно же по Руслану. К Руслану и летел на всех парах, мечтая не только о встрече. Первое серьезное дело, в котором участвовал Всеволод, с блеском завершенное в середине мая, принесло славу, недельный отпуск и, что совсем редко случается, — премию. Успех окрылил, весенние события виделись теперь в романтически-приключенческом разрезе, а это сильно подогревало, хотелось еще чего-нибудь не менее острого.

И вдруг Сева резко затормозил, глупо открыв рот. По длинному коридору шла... не шла, а вышагивала особа примерно лет двадцати. Ранее он не видел ее здесь, а просто так по этим коридорам девушки не гуляют, отсюда вывод: она в этом домике своя. Все местные мужики, естественно, сворачивали шеи и алчно смотрели ей вслед. Впрочем, было на что смотреть: высокая, с молочной кожей, особенно выделяющейся белизной в темноватом коридоре, шатенка с длинными прямыми волосами, с крупными чертами лица, не худая и не толстая. Она шла уверенно, гордо, с достоинством топ-модели. Таких девушек сильный пол побаивается, ибо не видит в них слабости. Она поравнялась с Севой,

он посторонился, уступая дорогу. Девушка прошла мимо, независимая, и даже не покосилась в его сторону. Кто-то Севу толкнул:

— Рот закрой, а то кишки застудишь.

Руслан! Сева исторг радостный вопль, по-мальчишески подпрыгнув. Они обнялись, словно не виделись лет сто, потом двинули к кабинету.

— Кто такая? — спросил Сева, кивнув головой назад.

— Дочка, — скупно сообщил Руслан.

— Чья?

— Зампрокурора.

Исчерпывающий ответ. Больше и знать ничего не надо. Но Севу разобрало:

— А что она здесь делает?

— Работать будет, — враждебно сказал Руслан и соорил мину свирепую. — Знаешь кем? Слова такого нет! Она будет оперативницей.

— Кем, кем, кем? — переспросил Сева, хотя прекрасно все понял. Просто слово «оперативница» прозвучало дико. Подобного еще не было под этой крышей.

— Тем же, кем и ты. Дочка зампрокурора закончила милицейскую бурсу то ли в Ростове, то ли в Свердловске, то ли еще где. Там у папы друг, он и помог поступить.

— Иди ты! А папа не мог ей место в прокуратуре добыть? Там тепло.

— Она не хочет, — с необоснованной ненавистью процедил Руслан. — Это все кино и книжки, от них только вред, вот и стукнуло ее по голове стать опершей. Ну, знаешь: пистолет в руке, бандит на мушке, а она круче отвесной скалы. Сева, ты где-нибудь слышал, чтобы корова была оперативницей? Да

6 еще сопливая корова?!

— Вообще-то... я сам, конечно, не видел, но говорят, сейчас берут женщин...

— Чушь собачья! — отмахнулся Руслан. — Это у них там, по ту сторону Кавказского хребта. А у нас, по эту сторону хребта, такого нет и не будет. Да, пожалуйста, пускай идет в следаки, трясет воров и хулиганов. Кто против? Я — нет. А ей захотелось — слышишь — захотелось! — оперативницей стать. Ну, я ей покажу... и папа не поможет.

— Да брось, на фиг тебе проблемы? Девчонка потешится и рванет отсюда.

— Нет, это дело чести. Мы и в засаде сидим, и в перестрелках бываем, и ползаем... О чем будет думать опер, видя перед собой не мужскую задницу? А как она станет преступников брать? Извиняться и слезно просить руки поднять? Ее застрелят в первой же переделке. Дочка у меня теперь заноза в печенке. И в селезенке.

В отличие от Севы Руслан был немногословный, из него клещами приходилось все выдирать, но, видимо, Дочка его сильно по нервам ударила. Они вошли в кабинет, Руслан уселся за стол, а Сева запрыгнул на подоконник. Из открытого окна доносился шум, какой бывает только летом. Начался курортный сезон, в город потянулись первые бледнолицые подправить окрас кожи, значит, прибавится работы. В начале июня море еще холодное, но пляжи уже не пустуют, народ лезет в воду, несмотря на тучи и даже дождь. А на рынке взвинчиваются цены, чем очень недовольны местные жители. Летом город никогда не бывает в покое, он гудит, живет, пестрит яркими одеждами и разнообразными лицами, заполняется до отказа — яблоку негде упасть.

А Руслан, пристально изучая молодого друга, усмехнулся:

— Ну и рожу ты отъел. Всего за неделю. Где гулял?

— Когда живешь на берегу Черного моря, получается, что в отпуск ехать некуда. Не мчаться же к Ледовитому океану? Я там замерзну. А более теплые края находятся за кордоном, а на «закордон» бабки нужны не хилые. На хутор ездил к бабуле. Она меня с утра до ночи кормила парным молоком, мясом и хлебом. Моя бабуля сама хлеб печет по старинке. Знаешь какой? Тает во рту! Ты как? Звание вернули?

— И не только.

Руслан загадочно улыбался, сиял, как новый рубль, значит, произошло нечто исключительное. Всеволод мимически изобразил, мол, не понял, чем и вынудил друга расколоться до конца:

— И вернули... и повысили. Мы теперь... то есть я... майоры.

— Вах! — прыгнул с подоконника Сева и кинулся обнимать его. — Это... это... Справедливость восторжествовала!

— Так это ж еще не все, — отстранился от него Руслан с шутливо-гордым видом. — Сядьте на место, лейтенант. С сегодняшнего дня я начальник, ты дурак. Не въехал? Ну, я старший оперуполномоченный уголовного розыска.

— Ух ты! — неподдельно изумился Сева. — Во время упало дело Алекса. Здорово. Нет, у нас не соскучишься: то ни за что лишают звания, то возвращают с процентами. Весело. Слушай, я как-никак тоже принимал участие, помогал вам, товарищ майор, стать майором, гоните магар.

— Поехали, — легко согласился Руслан и встал.

В коридоре столкнулись с девушкой под кодовым названием Дочка. Она подпирала спиной стену у кабинета начальника УВД. Руслана от ее вида
8 в короткой юбке и с распущенными волосами

перекосило. Он сказал, что выкатит машину, и пролетел мимо Дочки, словно та чумная. А Сева решил познакомиться, чего тянуть? Он подошел к ней очень близко. Прислонился плечом к той же стене, которую подпирала она, и нахально стал изучать ее хорошенькое личико, которому место на обложке журнала, но не в ментовке, тут Руслан прав тысячу раз. Дочка сначала скосила на него хитрющие глаза, затем повернулась лицом к лицу, опершись плечом о стену точь-в-точь, как он. В довершение надменно усмехнулась и поставила руку на бедро. В общем, поза вызывающая. Сева потянул носом. Запах едва уловимых духов, смешанных с женским ароматом, сдавил горло. Он сделал глотательное движение и спросил с улыбкой:

— И где же нас таких делают?

— На кровати мама с папой, — выдала она без паузы.

Он выпятил нижнюю губу: Дочка языкастая, с характером. Скользнув по ее фигуре оценивающим взглядом, отметил, что до «коровы» ей далеко, но на породистую лошадку тянет. А она ждала, что он скажет, не снимая усмешки. Но Севу смутить было трудно:

— И как же нас назвали те, кто делали?

— Допустим, Фрося.

— Фрося... — покивал он головой с пониманием. — Очень емкое имя, такое... простое, такое... доступное... деревенское... и запомнить легко. А я Всеволод. Что вы, Фрося, делаете сегодня вечером?

— Сдаю на разряд по боксу, — с вызовом ответила она.

Врет, конечно. Всеволод ей не приглянулся — это странно. Женский пол был равнодушен к синеглазому оперу, к тому же остряку, ве-

сельчаку, не глупцу. Он очень и очень, а этой... Дочке (!) не пришлось по вкусу. С жиру, похоже, бесится.

— Разряд по *женскому* боксу? — нарочито серьезно спросил он.

— А такой есть? — в тон спросила она.

— Раз вы занимаетесь боксом, значит, есть. Жаль, что вечером вы предпочитаете кулачные бои. А я хотел поделиться опытом с вновь прибывшей в наши ряды, чтобы вы не набили шишек.

— Опыт надеюсь приобрести сама, — коварно сказала она. — А шишки... я занималась теннисом, все шишки отпариваю.

Ну да, отпаривает с помощью папы. К счастью, ибо Сева впервые в жизни не знал, что говорить дальше, открылась дверь. Вышел пожилой и крупный мужчина с почерневшим лицом, пошатываясь и ссутулясь, он побрел по коридору к выходу.

— Дианочка, заходи! — донеслось из кабинета.

Дочка, крутанувшись на высоких каблуках с видом победительницы, скрылась внутри. Сева почесал затылок, разочарованно глядя на дверь, и побежал к выходу.

2

На улице его внимание привлек мужчина, который вышел из кабинета начальника. На слабых ногах он дошел до угла, уткнулся лбом в стену и напряженно замер. Сева рванул к нему:

— Отец, тебе плохо? Чем помочь?

Тот неожиданно... заплакал. Беззвучно, только сотрясалась спина да лицо исказило страдание. Не по себе стало Всеволоду от вида здорового мужика, который горько плакал. Молодой человек

10 растерялся, оглядевшись, увидел Руслана, ма-

хавшего ему из автомобиля. Сева тоже махнул рукой, дескать, подожди, и взял мужчину за плечи:

— Отец, ты присядь, присядь... Вон скамейка. Дойдешь?

Тот непонимающе посмотрел на юношу, потом перевел взгляд на скамью неподалеку, закивал, давая понять, что дойдет. Сева поддерживал его до скамьи, усадил, в это время к ним подошел Руслан с немым вопросом: что случилось?

— Да плохо мужику, — объяснил Сева. — Я видел, как он выходил из кабинета начальника.

— Отказали... — вдруг пробубнил мужчина. — Все отказали... Все...

— Кто отказал, в чем? — И Руслан сел рядом с ним.

— Дочь пропала, а они... — кивнул он в сторону управы, — отказали.

На вид ему было лет шестьдесят, но это был крепкий мужик, сильный. Обветренное и загорелое лицо — такие встречаются лишь у рыбаков, большая часть жизни которых проходит в море на открытом пространстве, — неестественно почернело. Глаза, выцветшие на солнце, оттого белесые, он утирал большими, тоже загорелыми ладонями. Этот загар настолько въедается в кожу, что остается до конца жизни. Мужик не стыдился слез, потому что беда его была ни с чем не сравнима, потому что боль, застрявшая в сердце, вырвалась наружу. Достав валидол, он бросил в рот таблетку и сидел, уставившись под ноги, продолжая вздрагивать от беззвучных рыданий.

— Ты успокойся, отец, и расскажи толком, — предложил Руслан.

— А... — махнул тот безнадежно рукой. — Мне теперь никто не поможет. Начальник так и сказал: никто.

На Севе и Руслане не было формы, а на лбу не написано, кто они есть. Оба заинтересовались: что ж такое произошло, раз и помочь некому? Искать пропавших людей милиция не отказывается, а мужику отказали? Сева подсел с другой стороны:

— А все же расскажи, отец. Может, и придумаем что.

Тот мельком взглянул на обоих — не впечатлили. Однако держать в себе обиду и горе, видимо, уже не было сил, и он начал неторопливо:

— Дочка у меня... был и сын, но погиб в первую чеченскую. А дочка поздняя, в прошлом году только восемнадцать исполнилось. Красивая как куколка. В сентябре прошлого года увидела объявление, ну, группу набирали для работы за рубежом. Она танцует хорошо. Пошла на конкурс, ее и взяли. Занимались они где-то месяц, программу готовили, костюмы шили. Им загранпаспорта сделали, визу, контракты подписали... Ну, я в этом мало понимаю, вроде все хорошо получалось. А в самом конце октября отправились в Турцию. Мы с матерью провожали в порту, они на корабле уплывали. Вот так уплыла, и ни слуху ни духу о ней. Один раз позвонила, сказала, что на месте, и все.

Руслан и Сева переглянулись. Слухи о подобных пропажах за бугром давно ходили, а конкретных заявлений от населения не поступало. Однако дело это действительно безнадежное. Мужика окончательно пугать не стали, Руслан лишь спросил:

— А кто-нибудь из ее подружек поехал с ней?

— Поехали две. Одна, говорят, вернулась — Роза Ибрагимова, но я не видал ее. Ездил к ней домой несколько раз — не открывают. Вроде дома никого нет. Так ничего и не знаю.

12 — Где, в каком месте готовили программу?

— Да вроде в ДК. Помещение снимали там, кажется.

— У твоей дочери есть подруги, которые участвовали в конкурсе, но их не взяли?

— Да, — оживился он и более пристально посмотрел на Севу с Русланом. — А вы кто?

— Это, отец, майор милиции, — не без гордости указал на Руслана Сева, — а я пока лейтенант. Работаем мы в уголовном розыске.

— Так ваши все и отказали, — печально вымолвил мужик. — Я у всех был. Сказали, такими делами милиция не занимается и что в Турцию никто не поедет по этому делу. А ваш начальник так прямо и сказал: там не только твоя дочь сгинула, сотни девчонок, на всех у государства денег не хватит, чтоб искать их по границам. Еще и отчитал, мол, ты-то куда смотрел... ну, я, значит... Говорит, мол, газет не читаете, телевизор не смотрите? А что я? Откуда мне было знать, что из этого выйдет? Вроде все путем делали: контракты, визы... я ведь в этом ничего не понимаю. Дочка мечтала танцами заниматься, денег заработать, мир посмотреть... Посмотрела.

— Ну, ты зря, отец, так пессимистично настроен, — сказал Руслан. — Давай вот что сделаем. Ты сейчас поедешь домой, вспомнишь всех подружек дочери. Вообще, припомни людей, с кем она встречалась до отъезда, запиши адреса. И у кого училась танцевать, напиши. Собери ее фотографии, документы, какие остались. Потом позвонишь мне. Ну, а мы тогда посмотрим, что можно сделать.

— Вы правда можете? — В блеклых глазах проснулась надежда. — Ребята, я вам тогда... все, что хотите... по гроб жизни...

— Ну-ну, отец, — хлопнул его по плечу Руслан. — Я пока смутно представляю, чем

помочь, но обещаю сделать все, что в моих силах. Тебя подвезти?

— Нет, спасибо, у меня машина. Меня зовут Виктор Иванович.

Руслан и Сева тоже представились, записали адрес и телефон. Он же аккуратно вывел в маленьком блокноте их телефоны, бережно сунул во внутренний карман пиджака, еще и проверил, надежно ли лежит в кармане блокнот, встал:

— Одна она у нас. Что там с ней случилось? Жене с сердцем плохо из-за этого, в больнице лежит. Нам без дочки и жить незачем... Так я скажу жене? Ну, что нам найдут Настю? А? Хоть как-то поддержать ее...

— Говори, — согласился Руслан, потупившись. — Пусть надеется.

Распрощались. Руслан и Сева смотрели ему вслед, как торопливо он садился в отечественную машину, вырулил на дорогу, очевидно, спешил к жене. Постояли молча.

— Ладно, едем за «сэмом», — сказал Руслан. — Я предпочитаю качественный самогон поддельной водке. Что-то паршиво стало.

— Ты серьезно собрался искать девчонку, пропавшую в Турции? — скептически спросил Сева по дороге к автомобилю.

Руслан нажал на пульт, сел в машину, только когда завел мотор, ответил:

— Во всяком случае, надо посмотреть, что можно сделать.

— Ясно. Опять будем подпольно работать, раз деду отказали все.

— Я тебя пока в напарники не звал.

— Так я все равно пойду. Без приглашения, — расплылся в улыбке Сева.

Руслан остановился в переулке частного сек-

14 тора, достал деньги:

— Беги вон в тот дом, скажешь, от меня.

— Ну да, мы теперь майоры, нам бегать за водкой не по чину, — проворчал тот, вылезая из авто. — И дедушка у нас был дипломат. Интересно, а кто была бабушка?

— Иди, иди, — поторопил его Руслан.

Он положил скрещенные руки на руль, а на них подбородок. Перед глазами стоял Виктор Иванович — большой мужчина, который плакал. Случается, мужики льют слезы. И по пьяни от жалости к себе, и когда их берут с поличным — от злости, и от страха по слабости. Виктор Иванович плакал от безнадежности, отчаяния и любви к дочери.

3

Тяжелое это бремя — звездочки, обмывали их три дня. Жена Руслана беспрестанно зудела, а Сева старался не попадаться ей на глаза, потому что на него она вываливала жалобы со стонами. Что-то не клеилось у Руслана дома, только он ни словом об отношениях с женой не обмолвился, лишь сутками торчал на работе. Лезть в душу, когда тебя не просят, — последнее дело, Сева и не лез. Они бы продолжили обмывать звездочки, если б утром четвертого дня не позвонил Виктор Иванович. Он пригласил к себе, притом тысячу раз извинился, что отвлекает их от работы.

Дом у Виктора Ивановича кирпичный, ухоженный, сразу было видно — хозяин он крепкий. И беседка из виноградника во дворе, и ограда железная, и небольшой сад с побеленными известью стволами деревьев, и дорожки вымощены, и гараж капитальный. В этом краю усадьба — надежное капиталовложение, посему рачительные хозяева берегут и тща-